

М. И. Журина

**А. С. ПУШКИН В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТКАНИ РОМАНА
М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»**

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье анализируются моменты пушкинского «присутствия» и проявления его творческой индивидуальности в художественной структуре романа «Жизнь Клима Самгина» М. Горького. Исследование, посвященное изучению творческого облика А. С. Пушкина, возникающего на основе ранее не рассмотренных литературоведами отсылок к его наследию и биографии в тексте произведения М. Горького, актуально в особенности в год 220-летия со дня рождения великого русского поэта. Обращение к нему позволяет определить личностные черты центрального героя и второстепенных персонажей книги, способствует раскрытию авторской позиции итогового романа М. Горького.

Ключевые слова: *Пушкин, Горький, «Жизнь Клима Самгина», поэтика.*

М. И. Zhurina

**A. PUSHKIN IN THE LITERARY TEXT OF THE NOVEL
«THE LIFE OF KLIM SAMGIN» BY M. GORKY**

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article analyzes A. Pushkin's «presence» and manifestations of the poet's individuality in the artistic structure of the novel «The Life of Klim Samgin» by M. Gorky. The study of the creative image of A. Pushkin, arising on the basis of references to his legacy and biography not previously considered by literary critics in M. Gorky's text, is particularly relevant in connection with the 220th anniversary of the great Russian poet. The image of Pushkin in M. Gorky's text helps to define the personality traits of the main character and minor characters, contributes to the disclosure of Gorky's philosophy in his last novel.

Keywords: *Pushkin, Gorky, «The Life of Klim Samgin», poetics.*

Актуальность исследуемой проблемы определяется интересом современного литературоведения к поэтике интертекстуальности [2], [8], [11], открывающей смысловую многомерность художественного произведения. Цель исследования состоит в изучении роли цитат, реминисценций, отсылок к фактам биографии А. С. Пушкина, упоминаний произведений, созданных на основе пушкинских, – словом, различных форм пушкинского «присутствия» в тексте романа «Жизнь Клима Самгина» М. Горького.

Материал и методика исследований. Выбор материала исследования – незавершенного романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» – обусловлен итоговым для писателя характером произведения, особенно примечательного, по замечанию С. Д. Балухатого, «в ряду беллетристических отражений мыслей самого Горького о Пушкине» [1, с. 92]. Методика исследования опирается на текстологический структурно-семантический анализ этого романа в аспекте творческого диалога с наследием А. С. Пушкина. В работе над

статьей нашли применение сравнительно-сопоставительный, системно-структурный, историко-генетический методы исследования.

Результаты исследований и их обсуждение. Проблема интертекста в полифоническом романе «Жизнь Клима Самгина» не раз привлекала внимание литературоведов XX–XXI вв. Одним из первых к вопросу «Пушкин и Горький» обратился С. Д. Балухатый [1], собравший в 30-е гг. XX в. высказывания М. Горького из статей, писем, художественных произведений, включая три примера из романа «Жизнь Клима Самгина». О «беспрецедентном обилии литературных фактов» [3, с. 249] писал в 70-е гг. XX в. И. И. Вайнберг: «Л. Толстой, его произведения и их герои прямо и косвенно упоминаются в романе на 103 страницах, Леонид Андреев – на 53, Достоевский – на 51, Некрасов – на 44, Пушкин – на 39, Чехов – на 35, Гоголь, Мопассан, Федор Соллогуб – на 27, Мережковский – на 26, Шекспир – на 23, Герцен, Брюсов – на 19» [3, с. 249]. В 90-е гг. XX в. Л. А. Колобаева, анализируя повествовательную структуру романа и рассматривая проблему автора и героя, отсылает к трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «Мотив „мальчика“, восходящий к известному пушкинскому (мотив трагической вины героя в „Борисе Годунове“), становится у Самгина кардинальным свойством его мировосприятия – скептицизма, стремления прошедшие перед его глазами, но неудобные для него факты и явления объявлять иллюзией, действительностью несостоявшейся или недолжной, тем самым снимая всякую ответственность за них с себя самого» [7, с. 295].

Мысль о близости горьковского текста «Борису Годунову» А. С. Пушкина развивается в книге Л. Ф. Киселевой «Пушкин в мире русской прозы XX века». В ней уникальность романа «Жизнь Клима Самгина» объясняется творческим восприятием пушкинских открытий: «А позиция автора в композиции горьковского произведения совсем уж пименовская. Из чего и проистекает удивительная структура этого совершенно необычного и для Горького, и для русской литературы произведения» [6, с. 73]. Особую значимость «Бориса Годунова» в художественном мышлении М. Горького подчеркивает и тот факт, что из всех пушкинских произведений именно эта трагедия содержит больше всего помет в его личном издании «Сочинений и писем А. С. Пушкина». Насчитав, что «стихи Пушкина и его имя возникают более сорока раз» [6, с. 135] в горьковском произведении, Л. Ф. Киселева утверждает: «еще много пушкинских „следов“ в темах, мотивах, образах можно выявлять из произведений Горького, и особенно из „Жизни Клима Самгина“» [6, с. 150].

В 2010-е гг. Т. В. Савинкова, рассматривая изображение М. Горьким событий Кровавого воскресенья в «прощальном» [5] романе в контексте поэмы «Медный всадник» А. С. Пушкина, определяет горьковское произведение как «интертекст, способствующий „самовозрастанию смысла текста“» [12, с. 594]. Новаторский характер романа писателя, стоящего у истоков русского постмодернизма, раскрывается в работе А. К. Пейковой: «М. Горький намного раньше В. Пелевина и Т. Толстой показал человека утратившим единственную истину и потерявшим дорогу в жизни. К такому взгляду на человека русская литература придет только в конце XX века» [9, с. 340]. Исследователь обнаруживает интертекстуальные связи романа М. Горького, литературную аллюзию на повесть А. Платонова «Котлован».

Однако, как показывает историография обозначенной проблемы, далеко не все моменты пушкинского «присутствия» в романе М. Горького оказались в поле исследовательского интереса и в силу этого обстоятельства нуждаются в детальном рассмотрении.

Первая отсылка к А. С. Пушкину в романе «Жизнь Клима Самгина» встречается в изображении детских лет главного героя: бабушка, которую «никто не любил» [4, т. 11, с. 21], и Клим, привыкший «выдумывать себя» [4, т. 11, с. 13], «догадался, что неплохо сделает, показывая, что только он любит одинокую старушку» [4, т. 11, с. 21], бабушка отвела его к своему дому. Наблюдательный мальчик видел, что среди «двора сидела собака, выку-

сывая из хвоста репейник. И старичок с рисунка из надоевшей Климу „Сказки о рыбаке и рыбке” – такой же лохматый ..., как собака, – сидя на ступенях крыльца, жевал хлеб с зеленым луком» [4, т. 11, с. 21]. Пушкинские ассоциации с детства возникают в сознании героя. Однако пушкинское «чудо» с ним не происходит, волшебный мир поэта остается непостижимым для него. И «Сказка о рыбаке и рыбке», любимая многими и, конечно же, М. Горьким, в восприятии Клима предстает «надоевшей». Герой изначально противопоставлен и Пушкину, и автору. Так воплощается замысел М. Горького, стремившегося «изобразить в лице Самгина ... интеллигента средней стоимости» [4, т. 11, с. 528], которому «происхождение и воспитание внушают ... высокое мнение о силе и оригинальности своего интеллекта и, совершенно скрывая его дилетантство, – развивают в нем честолюбивые желания быть чем-либо в жизни» [4, т. 11, с. 525]. Упоминание «Сказки о рыбаке и рыбке», связанной с эффектом возвращения к «разбитому корыту», в самом начале жизненной судьбы героя дает возможность предположить ее вероятно трагический финал.

Образ сказочного старика еще дважды встречается на страницах романа. Став свидетелем событий Кровавого воскресенья (1905), Самгин, увлеченный толпой, оказался «у дома, где жил и умер Пушкин» [4, т. 12, с. 527], и увидел изумленного старика из «Сказки о рыбаке и рыбке» с обломком кирпича в руке. Образ старого человека, который «стучал камнем в стену дома, где жил и умер Пушкин» [4, т. 12, с. 541–542], включается героем в текст нескольких докладов, рассказывающих о случившемся Девятого января. Самгинское прикосновение к А. С. Пушкину позволяет «после каждого доклада» ощущать «себя умнее, значительней» [4, т. 12, с. 542]. Отстраняясь от действительности, герой внутренне примиряется с ней: «чем более красиво рисует он все то, что видел, – тем менее страшным становится оно для него» [4, т. 12, с. 542]. Гипертрофированное «я» Самгина, неоправданно высокое самомнение показываются М. Горьким уже после первого рассказа. Старания «выдержать тон объективного свидетеля, ... человека, которому дорога только правда, какова бы она ни была» [4, т. 12, с. 539], соседствуют у героя с озлобленностью, стремлением «попугать людей». Все это контрастирует с пушкинским, пименовским принципом повествования, чуждым Самгину и препятствующим подлинному возвышению. Творческий диалог с А. С. Пушкиным у него не складывается.

Обращение к поэзии А. С. Пушкина заставляет героя ставить перед собой вопросы, ответы на которые он так и не обретает. Ночью в именье Отрадное, надеясь на появление Марины Зотовой, Клим вспоминает строчку из его произведения «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830): «...вокруг уже слишком тихо для человека. Следовало бы, чтоб стучал маятник часов, действовал червяк-древоточец, чувствовалась бы „жизни мышья беготня”» [4, т. 13, с. 264]. Жизнь, смысл которой постоянно ускользает от главного персонажа, сводится к путанному, беспорядочному, суматошному мельканью, «мышья беготне». Тема смысла жизни, обозначенная словами А. С. Пушкина, не раз возникает в романе М. Горького. В день похорон супруга Елизаветы Спивак, думая о скоротечности человеческого существования, Самгин находит «чужие слова»: «...дар случайный // Жизнь – зачем ты мне дана?» [4, т. 12, с. 269]. Лютов в разговоре с Климом приводит восходящий к стихотворению А. С. Пушкина и поэтическим откликам на него каламбур: «Жизнь для лжи-зни нам дана» [4, т. 12, с. 444], отметив приставку к слову *жизнь* – букву «люди». Эту же строчку, но уже без приставки, Самгин слышит в поезде от поручика Трифонова. Иллюзорность существования, самообман индивидуализма, тягостное осознание собственной жизни как «лжежизни» характерны для многих персонажей романа.

А. С. Пушкин в среде персонажей романа «Жизнь Клима Самгина» «становится» свидетелем того, как в народе растет недовольство. После катастрофических событий 1896 г. на Ходынском поле Клим слышит: «У памятника Пушкину кто-то говорил небольшой кучке людей:

– Нет, вы подумайте обо всем порядке нашей жизни, как нами управляют, например...» [4, т. 11, с. 452].

Памятник А. С. Пушкину в г. Москве работы А. М. Опекушина, а вслед за ним и образ великого поэта опосредованно, через строчки из стихотворения А. М. Жемчужникова «Памятник Пушкину», написанного в год открытия монумента (1880), снова появляются в романе. Однако в контексте самгинских рассуждений цитата из произведения А. М. Жемчужникова, направленного против кичливости «любовью к Отечеству», компрометирующей понятие патриотизма, приобретает иной смысл. «Полторы строки Жемчужникова: ... в наши времена // Тот честный человек, кто родину не любит...» [4, т. 14, с. 90], ставшие итогом обозрения русской прессы, находящегося в г. Париже героя, обличают его лжепатриотизм.

Отсылки к произведениям, образам, созданным на основе творчества А. С. Пушкина, также характеризуют художественную структуру романа «Жизнь Клима Самгина». В день объявления манифеста, 17 октября 1905 г., в зале московской гостиницы Самгин слышит исполнение «Дубинушки» Ф. Шаляпиным. Вспоминая, как видел этого артиста «в царских одеждах трагического царя Бориса» [4, т. 12, с. 607] в опере М. П. Мусоргского, написанной по мотивам одноименной трагедии А. С. Пушкина, в роли Олоферна из оперы А. Н. Серова «Юдифь», Ивана Грозного из «Псковитянки» Н. А. Римского-Корсакова, Мефистофеля из «Фауста» Ш. Гуно, герой пришел к выводу, что «таким ... еще никогда не слышал этот неисчерпаемый голос» «потрясающей силы» [4, т. 12, с. 607]. Однако всеобщее ликование не распространяется на Самгина, напряженно и тревожно воспринимающего народную песню, «все более застывая в жутком холоде» [4, т. 12, с. 608].

Литературно-оперный образ позволяет ему верно подметить бесполезность, «выдуманность» рекомендовавшегося земгоргусаром Пальцева: «Говорил он так, что было ясно: думает не о том, что говорит. Самгин присмотрелся к его круглому лицу с бородавкой над правой бровью и подумал, что с таким лицом артисты в опере „Борис Годунов” поют роль Дмитрия» [4, т. 14, с. 392]. Столь же надуманной, бесцельной представляется и деятельность самого Клима Самгина, члена организации «Союз городов». Основывая на принципе «зеркальности» систему действующих лиц романа, автор окружает своего героя множеством отражений, выделяющих его черты личности. Рассуждая о других, он дает оценку себе.

Биографические сведения об А. С. Пушкине и его современниках в рассуждениях Клима становятся средством самохарактеристики героя. Накануне Первой мировой войны, возвращаясь из ресторана «Вена», Самгин задержался у памятника Николаю I, установленного на Исаакиевской площади в 1856–1859 гг. «Снисходительно» глядя «на конную фигуру царя в золотом шлеме», он размышлял: «Это не самая плохая из историй борьбы королей с дворянством. Король и дворянство... Завоевал трон, истребив лучших дворян. Тридцать лет царствовал. Держал в своих руках судьбу Пушкина» [4, т. 14, с. 336]. Изображая жизнь великого поэта не с лучшей стороны, Самгин дает повод усомниться в авторитете Пушкина, пытаясь таким образом утвердиться в собственной значимости.

Пушкинские слова и выражения Самгин часто применяет при передаче своего видения ситуации. Когда Валентин Безбедов самозабвенно рассказывает о голубиной охоте, Клим, перефразируя мысль поэта, констатирует: «Случай, когда глупость возвышается до поэзии» [4, т. 13, с. 208]. Как известно, А. С. Пушкин в мае 1826 г. полшутя писал П. А. Вяземскому: «А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата» [10, с. 12]. Видя в каждом человеке «систему фраз», герой с юных лет тяготеет признанием того, «что его слова звучат отдаленным эхом чужих», но «способности создания своих слов» [4, т. 11, с. 100] так и не обретает.

Редкие моменты благодушия в жизни Клима также связаны с А. С. Пушкиным. Отмечая «добродушную преданность» домоправительницы Анфимьевны, считая ее «чело-

веком для других», он «вспомнил Таню Куликову, няньку – бабушку Дронова, нянек Пушкина и других больших русских людей» [4, т. 12, с. 177].

Не только центральный герой романа, но и другие – второстепенные и эпизодические – цитируют стихи и прозу А. С. Пушкина, прибегая к его авторитетным суждениям. Гения русской словесности любят Владимир Лютов и Захар Деспамес, напевают Елизавета Спивак и писатель Нестор Катин, его строчки приводят Варвара Антипова, Иван Дронов и (с неточностями) аристократ Игорь Туробоев. А. С. Пушкин близок Безбедову, отнесен к числу великомучеников духа и ряду лиц, открывающих XIX в. эпизодическими персонажами романа, превосходно владеющими искусством красноречия [6].

Пушкинские строки определяют мировоззрение гимназиста, а впоследствии доктора Константина Макарова. Глядя, как два щеголя выводят под руки старуху-губернаторшу, он иронично заключает: «Пушкин прав: „Сладостное внимание женщин – почти единственная цель наших усилий”» [4, т. 11, с. 100]. Цитата из незавершенного романа «Арап Петра Великого» вместе с легендой, «что ангелы, нисходя с небес, имели романы с дочерьми человеческими» [4, т. 11, с. 101]; книгой неизвестного автора «Триумфы женщины», убеждавшего, что «высота культуры определяется отношением к женщине» [4, т. 11, с. 122], утверждениями, «что женщина родит мужчину ... для женщины» [4, т. 11, с. 353] и «культура возникла из матриархата» [4, т. 11, с. 354], позволяют передать особенный взгляд Макарова на женщину, уважение и возвышенное отношение к ней.

Обращается к А. С. Пушкину и жена Клима, Варвара. Впечатления о погожем майском дне она выражает словами из стихотворения «Туча» (1835): «Как это прелестно у Лермонтова: „ликующий день”» [4, т. 12, с. 256]. Лирика пушкинских чувств близка героине во время их медового месяца на Кавказе. Любуясь Арагвой, она вспоминает поэтическое произведение «На холмах Грузии...». Но ощущение счастья оказывается недолговечным, и супруги становятся друг другу чужими людьми.

Стихи А. С. Пушкина звучат на улицах города Старая Русса. Встретив Клима с Дуняшей Стрешневой, «толстенький маленький человечек» пропел им: «Любви все возрасты покорны...» [4, т. 13, с. 124]. А потом, представившись Михайло Крыловым, у ее ног молил о прощении.

Резюме. Таким образом, творческая личность великого русского поэта, узнаваемая в цитатах, реминисценциях, биографических фактах, деталях, предметах, образах, ассоциативных связях, составляющих художественную ткань романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина», играет в нем чрезвычайно важную роль. Обращение к А. С. Пушкину раскрывает характер главного героя и второстепенных действующих лиц. Противопоставленность сознания Клима Самгина пушкинскому мировосприятию создает представление о нем как о «потерянном» человеке, не нашедшем себя ни в любви, ни в семье, ни в деятельности. «Внутренняя потребность» в А. С. Пушкине, тяга к его миру художественной гармонии формируют духовные ориентиры автора романа в творческом осмыслении переломной для истории страны эпохи. Голос поэта, его опережающая время мысль слышатся на протяжении всего произведения, они объединяют представителей разных сословий и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балухатый С. Д.* Горький о Пушкине // Литературная учеба. – 1937. – № 2. – С. 87–99.
2. *Безруков А. Н.* Поэтика интертекстуальности в творчестве Вен. Ерофеева «Москва – Петушки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Бирск, 2005. – 26 с.
3. *Вайнберг И. И.* За горьковской строкой: реальный факт и правда искусства в романе «Жизнь Клима Самгина». – М. : Сов. писатель, 1972. – 400 с.
4. *Горький М.* Собрание сочинений : в 16 т. / сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. – М. : Правда, 1979.
5. *Горький – Чапыгину.* <Соренто> 1.V.26 // Литературное наследство. – 1963. – Т. 70. – С. 644–645.

6. Киселева Л. Ф. Пушкин в мире русской прозы XX века. – М. : Наследие, 1999. – 362 с.
7. Колобаева Л. А. «Жизнь Клима Самгина». Автор и герой // Горький и его эпоха : материалы и исследования. Вып. 3 : Неизвестный Горький. – М., 1994. – С. 287–300.
8. Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. – М. : РОССПЭН, 2004. – 652 с.
9. Пейкова А. К. Русская литература XX века в культурологическом аспекте: полемика ценностно-эстетических систем в литературе советской эпохи. – Чебоксары : Новое время, 2015. – 616 с.
10. Пушкин А. С. Письма, 1826–1830. Т. 2 / под ред. Б. Л. Модзалевского. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 578 с.
11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
12. Савинкова Т. В. Поэтика катастрофы в поэме А. Пушкина «Медный всадник» и романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы : в 15 т. Т. 14. – СПб., 2015. – С. 593–597.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019

REFERENCES

1. Baluhatyj S. D. Gor'kij o Pushkine // Literaturnaya ucheba. – 1937. – № 2. – S. 87–99.
2. Bezrukov A. N. Poetika intertekstual'nosti v tvorchestve Ven. Erofeeva «Moskva – Petushki» : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Birk, 2005. – 26 s.
3. Vajnbjerg I. I. Za gor'kovskoj strokoj: real'nyj fakt i pravda iskusstva v romane «Zhizn' Klima Samgina». – М. : Sov. pisatel', 1972. – 400 s.
4. Gor'kij M. Sobranie sochinenij : v 16 t. / sost. i obshch. red. N. N. Zhegalova. – М. : Pravda, 1979.
5. Gor'kij – Chapyginu. <Sorento> 1.V.26 // Literaturnoe nasledstvo. – 1963. – Т. 70. – S. 644–645.
6. Kiseleva L. F. Pushkin v mire russskoj prozy XX veka. – М. : Nasledie, 1999. – 362 s.
7. Kolobaeva L. A. «Zhizn' Klima Samgina». Avtor i geroy // Gor'kij i ego epoha : materialy i issledovaniya. Вып. 3 : Neizvestnyj Gor'kij. – М., 1994. – С. 287–300.
8. Kristeva Yu. Izbrannye trudy. Razrushenie poetiki. – М. : ROSSPEN, 2004. – 652 s.
9. Pejnova A. K. Russkaya literatura XX veka v kul'turologicheskom aspekte: polemika cennostno-esteticheskikh sistem v literature sovetskoj epohi. – Cheboksary : Novoe vremya, 2015. – 616 s.
10. Pushkin A. S. Pis'ma, 1826–1830. Т. 2 / pod red. B. L. Modzalevskogo. – М. ; L. : Gos. izd-vo, 1928. – 578 s.
11. P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti / obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. – М. : Izd-vo LKI, 2008. – 240 s.
12. Savinkova T. V. Poetika katastrofy v poeme A. Pushkina «Mednyj vsadnik» i romane M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» // Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury : materialy XIII Kongressa Mezhdunarodnoj associacii prepodavatelej russkogo yazyka i literatury : v 15 t. Т. 14. – SPb., 2015. – S. 593–597.

The article was contributed on September 16, 2019

Сведения об авторе

Журина Марина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail.ru: ds52556@chebnet.com

Author information

Zhurina, Marina Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Cultural Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail.ru: ds52556@chebnet.com